

А. В. Потанина

**Из путешествий по
Восточной Сибири,
Монголии, Тибету и Китаю**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
А11

А11 **А. В. Потанина**
Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю / А. В. Потанина – М.: Книга по Требованию, 2012. – 349 с.

ISBN 978-5-458-16586-0

Сборник статей А. В. Потаниной. С биографией, портретом, пятью таблицами рисунков и 34 политшаржами в тексте.

ISBN 978-5-458-16586-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Александра Викторовна Потанина, скончавшаяся въ 1893 году, въ Китаѣ, оставила по себѣ неизгладимую память въ исторіи землѣвѣдѣнія Азіи. Неустойчивая путешественница, посвятившая всѣ зрѣлыя годы своей жизни странствіямъ по Сибири, Монголіи, Тибету, Китаю, она была незамѣнимой, дѣятельной спутницей своего супруга, Григорія Николаевича Потанина, помогая ему собирать новыя данныя и наблюденія по географіи и этнографіи малоизвѣстныхъ частей центральной Азіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она пользовалась и чужими наблюденіями и для самостоятельныхъ очерковъ, въ цѣляхъ болѣе широкаго ознакомленія съ Азіатскимъ міромъ русскаго общества.

Высоко цѣняя указанныя заслуги Александры Викторовны, Географическое Отдѣленіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи возымѣло мысль почтить память покойной изданіемъ, въ видѣ отдѣльнаго сборника, всѣхъ ея стійей, какъ уже появившихся въ печати, такъ и рукописныхъ, съ приложеніемъ портрета путешественницы и біографическихъ о ней данныхъ. Осуществленіе этой мысли встрѣтило однако временное затрудненіе въ недостаткѣ средствъ, тѣмъ болѣе, что при изданіи задуманнаго сборника надлежало озаботиться не только о полнотѣ его содержанія, но и о возможной изящности его внѣшняго вида.

Означенное затрудненіе было однако непродолжительно. Какъ только мысль о сборникѣ получила нѣкоторое распространеніе, немедленно же нашлись лица, изъявившія полную готовность оказать въ

этомъ случаѣ Отдѣленію свое содѣйствіе. Одно лицо, пожелавшее осязаться неизвѣстнымъ, внесло 700 р., а затѣмъ было получено: отъ А. М. Сибиряковой — 200 р., отъ В. А. Баландиной — 25 р., отъ разныхъ лицъ — 11 р., тоже чрезъ П. Н. Коновалова, — 13 р. и отъ Г. Н. Потанина — 150 р. Географическое Отдѣленіе глубоко признательно всѣмъ этимъ лицамъ, помощь которыхъ дала возможность почтить достойнымъ образомъ память незабвенной путешественницы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Отдѣленіе считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ принести искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, услужили которыхъ оно пользовалось при изданіи сборника, особенно А. А. Ивановскому, а также Д. М. Головачеву, г. Евреинову, протоіерею В. В. Лавровскому, В. В. Лесевичу, Г. Н. Потанину, г. Шешунову и К. А. Яковлевой.

Предсѣдатель Географическаго Отдѣленія
Императорскаго Общества Любителей Есте-
ствознания, Антропологии и Этнографіи

Д. Анучинъ.

Александра Викторовна Потанина.

Біографическій очеркъ.

Покойная Александра Викторовна Потанина, супруга извѣстнаго путешественника Григорія Николаевича Потанина, принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ женщинъ, которыя были дѣтельными помощницами и сотрудницами людей, посвятившихъ себя безавѣтному служенію наукъ, и которыя дѣлили съ подвижниками науки всѣ ихъ труды, лишенія и славу. — каковы О. А. Федченко, супруга извѣстнаго путешественника въ Туркестанѣ, и г-жа Черская, сопровождавшая своего мужа въ его экспедиціи на сѣверо-востокъ Сибири, въ Якутскую область. Эти женщины не только содѣйствовали своимъ мужьямъ въ ихъ трудахъ и помогали имъ переносить лишенія, но и служили для нихъ огромной, нерѣдко ничѣмъ незамѣнимой, нравственной поддержкой, удваивая такимъ образомъ силы и энергію дѣятелей, отдавшихъ обществу свою жизнь. По справедливому замѣчанію покойнаго Н. М. Ядринцева, если чѣмъ можетъ оцѣниваться дѣятельность женщины въ исторіи человѣчества, то, конечно, не тѣмъ, сколько драмъ и трагедій было изъ-за ея обаятельныхъ чаръ, сколько жертвъ было принесено ей, какъ идеалу красоты и женственности, — а тѣмъ, сколько внесла она мира, любви и довольства, насколько она участвовала въ достиженіи общаго человѣческаго счастья, сколько жертвъ принесла она сама на пользу и благо человѣчества.

Въ этомъ отношеніи жизнь Александры Викторовны заслуживаетъ особеннаго вниманія. — она даетъ намъ лучшее свидѣтельство того, какъ строго понимала покойная свое назначеніе и какъ вѣрно шла она по разъ избранному пути, перенося всѣ трудности, нужду и лишенія. — рука-о-руку съ чело-вѣкомъ, всю свою жизнь отдавшимъ безкорыстному служенію наукъ и обогатившему послѣднюю столь цѣнными изслѣдованіями.

О родныхъ и дѣтствѣ Александры Викторовны мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія. благодаря оставленнымъ ею рукописнымъ автобіографическимъ запискамъ, которыя она начала во время своего послѣдняго путешествія.

Мы приводимъ здѣсь полностью эти записки, носящія въ рукописи названіе: «Записки о моихъ родныхъ и о моемъ дѣтствѣ», и имѣющія помѣтки: «Урга, 1892 г. 23 октября» и «Пекинъ, ноябрь»...

„Отецъ мой былъ священникъ Знаменской или Муромской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, Викторъ Николаевичъ Лаврскій. Родомъ онъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Прадѣдушка нашъ былъ изъ монастырскихъ крестьянъ, въ духовное званіе поступилъ чтецомъ въ церковь въ селѣ Комлевѣ (имѣніе Философовыхъ). Дѣдушка Николай Васильевичъ былъ священникомъ въ очень бѣдномъ селѣ. Фамиліи онъ не имѣлъ *), писался по церкви Никольскимъ. Семья у него была большая, жили бѣдно. Бабушка Елена Григорьевна умерла 72 лѣтъ. Я уже хорошо ее помню. Она была человѣкъ энергичный и веселый, даже несмотря на старость, смотрѣла на жизнь легко и говорила, что ей умирать не хочется и что «чѣмъ больше живешь, то тѣмъ больше жить хочется»; но когда пришла смертная болѣзнь, она переносила ее съ терпѣніемъ, не жагуясь, и радуясь тому, что заболѣла, бывши у дочери своей, моей тетки, Капитолины Николаевны, а не у сына, — радовалась потому, что не наемныя руки, не чужія за ней ухаживаютъ въ болѣзни. Несмотря на то, что семья у дѣдушки была большая, бабушка, повидимому, легко справлялась съ ней и умѣла устроить такъ, что старшіе сыновья помогали ей въ ея домашнихъ хлопотахъ и въ нянчинныя маленькія. Одѣвалась бабушка въ сарафанъ и носила волосы подъ повойникомъ по-бабьи, покрываясь бумажнымъ платкомъ.

Старшій ихъ сынъ былъ Александръ, по фамиліи Фіалковскій; говорятъ, онъ былъ большой щеголь, любилъ богатство и, оставивши духовное званіе, поступилъ на гражданскую службу. Образованіе онъ получилъ въ Нижегородской семинаріи и Московской академіи, затѣмъ служилъ, если не ошибаюсь, нѣкоторое время профессоромъ въ той же семинаріи; въ это время давалъ уроки въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семействахъ; знаю, что давалъ уроки Бѣлокрыльцевымъ; говорятъ, былъ очень красивъ и смѣлъ; умеръ въ Турціи во время чумы. Другой мой дядя, Андрей Десницкій, тоже ушелъ изъ духовнаго званія, служилъ чиновникомъ горнаго вѣдомства въ Екатеринбургѣ и умеръ тоже мо-

*) Какъ не имѣлъ ея тогда почти нигде въ духовенствѣ, не прошедшій чрезъ духовную школу, гдѣ самымъ первымъ дѣйствіемъ къ наложенію крѣпкой образованности было нареченіе новопоступившему фамиліи.

лодымъ и не женатымъ. Бабушка очень горевала о немъ и нерѣдко вспоминала о томъ, какъ его провозжали на службу на «Панскіе бугры», откуда былъ видъ на Волгу. — такъ въ Нижнемъ называлась та часть, гдѣ послѣ развели Англійскій садъ. Раньше тамъ жили, говорятъ, лѣбные поляки.

У насъ въ домѣ было много вещицъ изъ Екатеринбурга—каменей, печатей и колецъ изъ сердолика; но рассказовъ о жизни Андрея Николаевича не помню. За Андреемъ слѣдовалъ мой отецъ. за нимъ было еще два брата—Неофитъ и Василій. Они носили фамилію Фіалковскихъ. Василій Николаевичъ и донинѣ живъ. Онъ былъ священникомъ сначала въ селѣ Матюшевъ, затѣмъ былъ переведенъ въ Нижній на Гребешекъ и потомъ — въ Кунавино, къ Владимірской церкви, гдѣ теперь священствуеетъ сынъ его, Иванъ Васильевичъ, а дядя живетъ у него, теперь почти совсѣмъ уже слѣпой. Неофитъ Васильевичъ учился также въ Нижегородской семинаріи, но такъ какъ съ дѣтства былъ хромымъ, то и не могъ поступить въ духовное званіе, былъ чиновникомъ въ гражданской службѣ, впоследствии служилъ въ строительной комиссіи; затѣмъ переѣхалъ жить въ Одессу и въ послѣдніе годы былъ тамъ мировымъ судьей восьмого участка. Въ молодости онъ очень сильно пить запоемъ, и тѣмъ доставлялъ очень много горя бабушкѣ, и каждый разъ пьянство его кончалось бѣлой горячкой; впоследствии отъ пьянства или отъ запоя его лѣчилъ какой-то знахарь сильнымъ настоемъ, и здоровье дяди всегда было нѣсколько разстроено. Бабушка послѣ смерти дѣдушки жила до самой смерти съ Неофитомъ Николаевичемъ, но часто содержаніе ихъ обоихъ падало на отца. Иногда даже Неоф. Ник. и жилъ у насъ, въ то время, когда я была еще совсѣмъ мала. Онъ впоследствии женился, и его свадьба была, пожалуй, самымъ раннимъ моимъ воспоминаніемъ. У Неоф. Ник. было двое дѣтей, но сынъ былъ въ падучей, и умеръ молодымъ, дочь—Елена Неофитовна—вышла замужъ за учителя одесской гимназіи, Тищенко. Было еще у насъ двѣ тетки: одна—Марья Николаевна—была выдана замужъ за священника въ село Селитьбу, Нижегородской губ., умерла рано; послѣ нея остался сынъ, по фамиліи Мелисовъ, но онъ умеръ рано и въ жизни не былъ съ нами близокъ, имѣлъ очень много непріятнаго и нехорошаго. Было подозрѣніе, что жилъ шулерствомъ. Другая тетка—Капитолина Николаевна—жива до сихъ поръ; она очень рано овдовѣла, была раньше за священникомъ въ селѣ Матюшинѣ, Горбатовскаго уѣзда. Сколько себя помню, она всегда жила въ Нижнемъ, имѣла троихъ дѣтей; они учились въ семинаріи, а она жила рукодѣльемъ, вязала изъ шерсти валенки и, главнымъ образомъ, жила тѣмъ, что пускала на квартиру семинаристовъ и готовила на нихъ. Старшій ея сынъ, Василій Петровичъ, былъ впоследствии писцомъ

въ какой-то канцеляріи; семинаристомъ я его уже не помню; онъ очень рано женился на дочери *кандидата*, какъ назывались тогда выслужившіе офицерскій чинъ и получавшіе пожизненно извѣстный денежный окладъ. Его мать и Неофитъ Николаевичъ были противъ этого брака. Впослѣдствіи нянька разсказывала мнѣ, что дядя жестоко избилъ племянника при этомъ случаѣ. Черезъ годъ жена Васеньки умерла, а еще черезъ годъ умеръ и онъ, оба — отъ чихотки. Я помню, что очень боялась его мертвого, и въ то же время мучилась мыслью, не въ летаргическомъ ли онъ снѣ. За Васенькой у тетеньки слѣдовали еще два сына—Александръ и Николай; оба живы и теперь; одинъ — съ именемъ Алексія, епископомъ саранульскимъ, викаріемъ Вятской епархіи, другой служилъ исправникомъ въ Лукояновскомъ, кажется, уѣздѣ, Нижегородской губ., теперь совѣтникомъ губернскаго правленія въ Нижнемъ; фамилія ихъ—Соболевы. Съ ними мы теперь не близки.

Отецъ мой очень мало разсказывалъ о своей дѣтской и семинарской жизни. Разъ только помню, когда мнѣ было лѣтъ 10, я, съ кѣмъ-то изъ другихъ дѣтей играя или разговаривая, выказала гордость и превосходство своимъ положеніемъ; вечеромъ, въ сумерки, отецъ подозвалъ меня къ себѣ и разсказалъ о себѣ маленькую исторію. «Разъ, когда я еще жилъ дома,—говорилъ онъ,—умеръ въ нашемъ селѣ дьячекъ. Въ этотъ день случилась гроза. Я боялся грозы, и потому забился на печку или на палату, и оттуда услышалъ, какъ отецъ, думая, что въ комнатѣ никого нѣтъ, говоритъ бабушкѣ: «Мать, знаешь, я думаю опредѣлить Викторку дьячкомъ къ нашей церкви, въ семинаріи у насъ и безъ того двое, пусть его хлѣбъ добывается, а читаетъ онъ бойко». Отецъ говорилъ, что онъ просто похолодѣлъ при мысли, что ему всю жизнь придется проводить въ роли деревенскаго дьячка и ничего не видать, кромѣ Селитбы; но бабушка заступилась за него и сказала, что лучше ужъ и его учить въ семинаріи. «Вотъ,—прибавилъ отецъ,—и была бы ты теперь деревенскою дѣвченкой, а не дочерью отца протоіерея; чѣмъ же тебѣ гордиться передъ другими дѣвочками?» И такъ это на меня сильно подѣйствовало, что я и до сихъ поръ часто вспоминаю и думаю о томъ, какъ мало собственно зависитъ въ нашей жизни наше положеніе отъ насъ самихъ, и какъ много отъ стеченія обстоятельствъ, складывающихся различнымъ образомъ, иногда на пользу, иногда на вредъ.

Кончивши семинарію, гдѣ отецъ отъ ректора получилъ фамилію Лаврскій*), онъ поступилъ въ Московскую академію. Въ это время Московская

*) Ректоръ, сказавъ отцу, предсказать ему поступленіе въ академію: «ну, ты будешь въ Лаврѣ учиться: будь ты Лаврскій».

академія, кажется, переживала свои лучшіе дни. Только что устроенная въ матеріальномъ отношеніи митрополитомъ Платономъ, она въ это время процвѣтала въ научномъ отношеніи; философія въ ней была въ почетѣ, и Голубинскій, если не ошибаюсь, былъ любимымъ профессоромъ студентовъ.

Читали въ это время студенты Марлинскаго и Жуковскаго; о Пушкинѣ отецъ что-то не говорилъ; можетъ быть, это уже само собою разумѣлось. Жуковскаго молодежь академическая встрѣчала съ восторгомъ. Въ академіи отецъ былъ особенно друженъ съ Матвѣемъ Орѣховскимъ, землякомъ, съ которымъ они обыкновенно на вакаціи уходили изъ академіи пѣшкомъ до Ярославля, гдѣ садились въ лодку и плыли до Нижняго. Отецъ разсказалъ объ этомъ тоже какъ-то при случаѣ въ подтвержденіе того, какъ много значить, какъ относится человѣкъ къ извѣстному явленію и какъ важно неуклонно слѣдовать своему убѣжденію. Онъ разсказывалъ, что разъ лодка уже была нанята, и задатокъ отданъ, но лодочникъ искалъ еще пассажировъ, и когда студенты пришли къ лодкѣ, чтобы ѣхать, въ ней было множество проститутокъ, которыхъ антрепренеръ отправлялъ на ярмарку. Молодые люди возмущались такимъ обществомъ и не захотѣли ѣхать, несмотря на убѣжденіе лодочника и на его увѣренія, что въ такомъ обществѣ еще веселѣе будетъ. Это отвращеніе отъ ихъ веселаго общества подѣйствовало такъ, что одна изъ дѣвушекъ, только что завербованная въ эту компанію, возвратилась домой и впоследствии, при встрѣчѣ съ Орѣховскимъ, высказывала ему и его другу горячую благодарность за свое спасеніе, хотя съ ихъ стороны не преднамѣренное.

Отецъ кончилъ академію въ 1834 г.; отсюда его послали на службу въ Астрахань въ семинарію. Что онъ преподавалъ, — не знаю, едва-ли не философію. Тамъ онъ не прослужилъ и года и перешелъ въ Нижегородскую семинарію.

Когда отцу было 27 лѣтъ (въ 1834 г.), онъ женился на моей матери, которой было всего 16 лѣтъ. Она была дочь Василія Григорьевича Владимірова, священника Архангельскаго собора въ Нижнемъ. Домъ ихъ находился въ Кремлѣ, и дворъ занималъ двѣ арки, которыми съ внутренней стороны кремлевскія стѣны были богаты. Изъ переднихъ оконъ дома видъ былъ прямо на Волгу, видно было очень далеко, и мать моя этому приписывала свое хорошее зрѣніе и любовь къ красивымъ видамъ.

У дѣдушки только и было, что сынъ и дочь. Сынъ, Флегонтъ Васильевичъ, кончилъ жизнь рано. Послѣ него остался только одинъ сынъ, Анатолій, отъ первой жены, Марьи Степ. Воиновой. Анатолій скитается теперь по Сибири жителемъ ночлежныхъ домовъ. Мать моя, Екатерина Васильевна, и теперь еще жива, и отъ нея-то въ дѣтствѣ нашемъ мы и слышали много раз-

сказовъ объ ея ранней жизни и нашихъ родныхъ. Дѣдушка учился въ семинаріи въ то время, когда преподаваніе велось еще на латинскомъ языкѣ. Матеріальная обстановка, должно быть, была въ то время ужасна; голодные семинаристы иногда загоняли обывательскихъ свиней и закалывали ихъ гдѣ-нибудь на задворкахъ, какъ рассказывалъ одинъ изъ братьевъ дѣдушки.

Самъ дѣдушка тоже жаловался на бѣдность, которую онъ испытывалъ въ первые годы въ училищѣ и въ семинаріи. Онъ былъ сынъ дьячка и потому денегъ у него совсѣмъ не водилось, а между тѣмъ, кромѣ ѣды надо было денегъ и на бумагу, и на книги, и на перья. Дѣдушка очень рано сталъ зарабатывать эти необходимыя себѣ гроши, дѣлая перочиннымъ ножомъ птичьи клѣтки. Затѣмъ онъ сталъ переписывать учебники и словари, печатныхъ книгъ было мало и семинаристы пробавлялись больше списанными тетрадками. Этими ранними своими занятіями дѣдушка объяснялъ и свое искусство рѣзчика и красивый почеркъ.

Рѣзалъ изъ дерева онъ довольно искусно; у насъ долго сохранялась вырѣзанная имъ деревянная чернильница въ видѣ льва и много палокъ съ изображеніемъ головъ вмѣсто набалдашника; было также его работы рѣзанное изъ кости распятіе. Вообще онъ былъ любитель техническихъ работъ; въ послѣдствіи у него былъ токарный станокъ. Былъ онъ также большой латинистъ, иногда даже говорилъ со своими сверстниками — стариками на этомъ языкѣ и любилъ читать латинскихъ классиковъ. Въ послѣдствіи у него былъ шкафъ съ книгами, гдѣ можно было найти и Виргилія, и Горация, и др. Онъ и внука своего Валеріана научилъ любить латинскихъ классиковъ. Кромѣ книжекъ, дѣдушка собиралъ также всѣ рукописи и письма, и у него было множество переплетенныхъ тетрадей изъ синей бумаги, гдѣ вписаны были разныя оды и разсужденія, читанныя въ его время на семинарскихъ актахъ. Въ послѣдствіи онъ имѣлъ у себя учениковъ, которыхъ обучалъ грамотѣ. Женатъ онъ былъ на Марьѣ Матвѣевнѣ Филипповой, дочери каедральнаго протоіерея въ Нижнемѣ, Матвѣя Филипповича. Бабушкинъ портретъ сохранялся отъ ея молодыхъ лѣтъ, снятый, должно быть, вскорѣ послѣ свадьбы.

Бабушка была хорошенькая, круглолицая, съ очень добрымъ и скромнымъ выраженіемъ; снята она была въ желтой атласной *головкѣ*, или косынкѣ, повязанной напередѣ бантикомъ, изъ-подъ «головки» на лобъ выпущены три маленькія буколки; платье темнозеленое, какъ во времена директоріи, открытое на груди до кушака, подвязаннаго подъ мышками; грудь и отчасти шея прикрыты большимъ тюлевымъ воротникомъ, сверху красная турецкая шаль.

Матвѣй Филипповичъ былъ женатъ на крестьянкѣ Демидова, но, должно

быть, на богатой. потому что у нихъ въ домѣ много было крѣпостныхъ людей, а за бабушкой, Марьей Матвѣвной, въ приданое была дана дѣвка Ненила. Бабушка была не бойкая, ея двѣ другія сестры, Александра Матвѣвна и Настасья Матвѣвна, были болѣе свѣтскія и костюмомъ своимъ отличались отъ нея, не носили «головокъ», а волосы чесали съ высокими черепаховыми гребнями, и въ парадныхъ случаяхъ носили чепцы. Бабушка же рассказывала, что, во время ея дѣвчества, у нихъ была нянька, которая требовала, чтобы дѣвочки прятались отъ мужчинъ, — «хоть корзину на голову надѣть, коли ужъ прикрыться нечѣмъ — все лучше, чѣмъ такъ показаться». — говорила она, но дочери Матвѣя Филипповича, повидимому, этому правилу уже не слѣдовали; только еще Марья Матвѣвна, по старой памяти, или просто по характеру своему, — избѣгала постороннихъ и, должно быть, ни съ кѣмъ не вела знакомства; по крайней мѣрѣ, мать моя въ дѣтствѣ никого не помнитъ, кто у нихъ бывалъ. Чаю еще въ домѣ Матвѣя Филипповича не пили. Въ кухнѣ сидѣли съ лучиной точно такъ-же, какъ и у нашего дѣдушки, и женщины, т. е. бабушка Марья Матвѣвна и Ненила, всю зиму пряли. Холстовъ дома уже не ткали, отдавали на сторону. Мать моя тоже любила, чтобы ее рано поутру будили, когда старшіе вставали пряхть. У Ненилы каждый годъ рождался ребенокъ, и всякій разъ дѣдушка считалъ своимъ долгомъ бить ее за это; ребенка куда-то отправляли, а Ненила, отлежавши нѣсколько дней въ банѣ, опять припималась за хозяйство. Дѣдушка вообще, должно быть, былъ суровъ и неласковъ съ дѣтьми и съ домашними; впослѣдствіи онъ и сына своего Флегонта часто билъ. Въ кухнѣ у дѣдушки жили иногда семинаристы, товарищи, должно быть, Флегонта, но мать моя росла около матери, и у нея что-то не сохранилось никакихъ воспоминаній о своемъ братѣ и его товарищахъ. Какъ развлеченіе, для нея было, когда ее посылала мать къ сосѣдкѣ ихъ, Евфаліи Дмитревнѣ, у которой жилъ Норманъ, полупомѣшанный Казанскій помѣщикъ. Мать его очень боялась и всегда выбирала время, когда онъ спалъ. Евфалія Дмитревна и сама нѣсколько разъ въ году сходила съ ума; и вотъ въ это-то время или послѣ, когда она поправлялась, бабушка и посылала мать, чтобы отнести что-нибудь состряпанное повкуснѣ. Повидимому, веселаго тутъ было не много, но такъ какъ другихъ развлеченій не было, то и это правилось моею матерію. Другими праздниками были для нея пріѣзды бабушкиной тетки изъ деревни; оно была замужемъ за управляющимъ Демидовскимъ, жила очень богато и разъ въ годъ пріѣзжала на ярмарку, посылала съ мужемъ родныхъ и дѣлала всѣмъ подарки деревенскими гостинцами. Бабушка получила горловую чахотку и затѣмъ скоро умерла, когда маменькѣ

ыло только 14 лѣтъ. Потеря эта была очень тяжела для матери. она была очень одинока. Плача и горюя, она научилась вызывать въ своемъ воображеніи появленіе галлюцинацій. Для этого она брала пошennyй покойною матерью на головѣ платокъ и. нюхая его. уходила въ сумерки въ садъ. Здѣсь. ходя по дорожкамъ, она вызывала къ себѣ мать, и ей казалось, что бабушка выходила изъ бесѣдки и шла къ ней по дорожкѣ.

Дѣдушка послѣ смерти бабушки ужасно тосковалъ, но не сдѣлался ближе къ дѣтямъ, должно быть, не умѣлъ; напротивъ, скоро начались непріятности съ сыномъ, который началъ кутить. Въ это время дѣдушка всѣ поля своихъ любимыхъ книжекъ покрылъ коротенькими надписями, въ родѣ того: «не стало моей Маріи!» — «Въ этотъ часъ отлетѣлъ отъ насъ нашъ ангелъ» и т. д.

Училась мать моя около тѣхъ учениковъ, съ которыми занимался дѣдушка; о томъ, чтобы съ ней специально занимались, — она не помнитъ. Обученіе, главнымъ образомъ, состояло въ списываніи прописей. Впослѣдствіи она научилась цѣнить поэзію и исписывала тетрадки стихами Козлова, Жуковского, Рылѣва, — Войнаровскій произвелъ на нее очень сильное впечатлѣніе. Большое тоже впечатлѣніе произвелъ на нее какой-то романъ въ вкусѣ Руссо подъ названіемъ *Лолотта и Фанфанъ*, — если не ошибаюсь. Читала она также «Нума Помпилій» — тоже, повидимому, романъ. Въ эту пору ея сиротства начиналось было обученіе ея французскому языку. Дѣдушка ѣздилъ давать уроки дѣвчатамъ богатаго купеческаго рода, Комаровымъ, и послѣднія, должно быть, пригласили и мою мать; но это продолжалось недолго и большого слѣда въ жизни матери не оставило. Правда, что это былъ почти единственный домъ другого сословія, который она видѣла. Впрочемъ, еще ранѣе съ бабушкой Марьей Матвѣвной раза два въ годъ онѣ ходили въ домъ какой-то барыни-помѣщицы, у которой былъ сынъ. Кажется, у дѣдушки отъ него были различныя масонскія сочиненія. Знакомство это продолжалось и потомъ. Когда маменька была уже замужемъ, и у нея былъ сынъ Валеріанъ, она была у этого семейства (по фамиліи Ильины) въ имѣніи во Владимирской губ. Молодости дѣвической, веселости, а тѣмъ болѣе ухаживателей у матери моей совсѣмъ не было. Она, мнѣ кажется, совсѣмъ не смотрѣла на себя, какъ на большую, кромѣ того, когда она стала формироваться, у нея начала періодически появляться сыпь на рукахъ, и иногда руки ея разбаливались окончательно, и она сидѣла съ обвязанными пальцами. Когда ей минуло 16 лѣтъ, дѣдушка сообщилъ, что за нее сватается женихъ, но, по молодости невѣсты, онъ ему отказалъ. Впослѣдствіи мы немного знали этого человѣка, — онъ былъ священникомъ Похвалин-